

Посвящается Биллу и Билли

Благодарности

Прежде всего я хотела бы выразить признательность своей семье, чей важный, хоть и незаметный труд помог воплотить в жизнь мое сочинение. Чтобы отблагодарить моего мужа Билла, мне просто не хватит слов! Днями и ночами, давясь полуфабрикатами, корпел он над правками моей рукописи, без устали вдохновляя меня и поддерживая. Спасибо моему сыну Билли, неиссякаемому источнику смеха и дружеских объятий. Я люблю тебя, малыш. Моя книжка для взрослых, но ты ее прочтешь, когда вырастешь. Спасибо моим родителям. Какие бы перипетии ни случались со мной, родители никогда не оставляли меня наедине с навалившимися проблемами и никогда не переставали любить меня. Они — мои самые преданные поклонники и первыми узнают о моих победах и поражениях. Спасибо моему брату и невестке. Они исколесили Калифорнию вдоль и поперек, чтобы не пропустить ни одной моей книжной презентации, и до сих пор посещают каждую мою видеоконференцию. А еще я в неплатном долгу перед покойными бабушками и дедушками, которые рассказами о побегах и рабстве и воспоминаниями о трудах издольщиков и антрепренеров пробудили во мне интерес к прошлому. Спасибо родителям моего мужа — мамуле и папуле Маскилл. Много лет они поддерживают и ободряют меня. Благодаря им я могу любоваться потрясающим видом на долину реки Гудзон и рисовать в воображении картины колониального мира. Я боготворю свою семью. Ее помощь и участие в моей жизни бесценны.

Мне несказанно повезло: я нашла сообщество великодушных людей, полностью отдающих себя делу, готовых не только читать и критиковать написанное мною, но и щедро делиться опытом

и знаниями. Я благодарю своего консультанта Мэри Бет Нортон, опекавшую меня с самого начала этого проекта. Она по-матерински заботилась обо мне и возвращала мои идеи, придавая им законченные формы. Также я хотела бы сказать спасибо другим профессорам и историкам, принимавшим участие в создании первых вариантов рукописи. Спасибо вам, Валинда Литтлфилд, Дэн Литтлфилд, Вуди Холтон, Эндрю Бернс, Роберт Трэверс, Дуэйн Корпис, Йерун Девульф, Энн-Мари Плейн и Крисси Осия. Без вашей отзывчивости и вдумчивой помощи эта книга никогда не сдвинулась бы с мертвой точки.

Мне посчастливилось вращаться в нескольких литературных кругах, где все без исключения содействовали моей работе, направляя каждый мой шаг на необозримо длинной писательской стезе и помогая оттачивать и совершенствовать слог и стиль. В аспирантуре, когда я только-только набрасывала первые робкие черновики, я чувствовала крепкое дружеское плечо моих однокурсниц Мари Крабтри, Мейв Кейн и Жаклин Рейносо, читавших мои первые опусы и снабжавших меня необходимой научной информацией. В последние годы, по мере того как мой манускрипт мужал и выкристаллизовывался, не проходило и дня, чтобы меня не приободрили и не поддержали мои верные подруги Андреа Мостерман, Дебора Хеймер, Эрин Крамер и Сюзи Зейлстра. И, конечно же, я хотела бы выразить особую благодарность группе писателей, интересующихся историей Средне-Атлантических штатов, за их каверзные вопросы и блестящие идеи.

Я прославляю ученых, бескорыстно тративших время на чтение моих научных трудов и делившихся со мною гениальными озарениями. Я благодарю Сюзанну Шоу Ромни, денно и ночно листавшую мои бесконечные черновики, сравнивавшую мои варианты переводов и помогавшую расшифровывать почерк более чем трехвековой давности. Сюзанна, ты мое вдохновение и опора. Ты — мой рулевой в бурлящем водовороте неизведанного. Марджолен Карс и Динке Хондиус! Ваш профессионализм и безупречный научный подход невероятно улучшили мое произведение. Спасибо за ваше терпение и труд! Я преклоняюсь перед историками, приоткрывающими завесу тайны над про-

шлым нидерландских колоний в Америке. Дружба с такими людьми наполняет меня восторгом и гордостью. Я благодарю Саскию Кунен Снайдер, коллегу из Университета Южной Каролины, за великолепные советы и дополнительную пару внимательных глаз, столь необходимую при изучении хитроумно составленных документов. И я превозношу Япа Джейкобса, не одно десятилетие исследующего историю семейства Стёйвесантов и голландскую колонизацию. Его скрупулезные редакторские правки, переводы и научные изыскания оказали мне весомую помощь.

Редколлегия в издательстве Корнеллского университета стала родным домом для меня и моей книги, за что я благодарю Майкла Макганди и Карен Лон, безустанных тружеников и моих неустомимых и снисходительных напарников. Вдумчивые и въедливые эксперты-рецензенты проделали колоссальную работу, прояснив наиболее темные места исторического прошлого и таким образом оживив и расцветив страницы книги. Все их советы, замечания и предложения пошли моей книге только на пользу. Я в неоплатном долгу перед ними. Так же, как я в долгу перед Марисой Фуэнтес, Карваном Фатхом-Блэком, Джаредом Хардести, Вимом Клостером, Деннисом Майкой, Расселом Шорто, Рамоней ла Рош, Тони Блаем и Кэтрин Керрисон — великодушными учеными, штудировавшими отрывки из моего манускрипта. Их официальные и неофициальные комментарии, советы, данные мне во время конференций или дружеских ужинов, существенно улучшили мою работу. Я благодарна им за мудрую помощь и поддержку.

А мои собственные студенты! Я поражена их интеллектуальной мощью и самоотверженностью. Райли Сазерленд, Джон П. Уилсон и Ханна Бауэр, три пары зорких и любознательных глаз, всегда были к моим услугам: занимались поисками, шлифовали мои рукописи и не покидали меня на долгом и извилистом пути сочинительства.

Также я многим обязана участникам разнообразных конференций, семинаров и мастер-классов, которые меня милостиво приглашали посетить. Слушатели, щедро делившиеся своими

идеями попеременно с впечатлениями о моей работе, мотивировали меня не останавливаться на достигнутом и продолжать исследования. С особой нежностью я вспоминаю семинар «Нижние земли Южной Каролины и Атлантический мир» и его участников: Мари Крабтри, Саймона Льюиса и Энн Беннет, обсуждавших со мной выдержки из самой ранней версии рукописи. И вновь я не могу не упомянуть великолепного Япа Джейкобса и пастырей Епископальной церкви Святого Марка, чьи культурно-просветительские вечера на тему рабства и его влияния на расширение владений и владычества семейства Стёйвесантов оказались для меня чрезвычайно познавательными. В этой связи следует отметить семинар по ранней истории Америки, организованный «Парком исследовательского треугольника» из округа Дарем штата Северная Каролина, и центр исторических исследований Университета Южной Каролины из города Колумбия. Оба — и семинар, и центр — дали мне возможность похвастаться своими наработками и проверить их в деле.

Но вряд ли я достигла бы таких вершин в исследованиях, если бы не содействие архивариусов и библиотекарей, помогших мне получить доступ к материалам, хранящимся в Городском архиве Амстердама, Государственном архиве Гааги, Национальном архиве Кюрасао, Государственном историческом комплексе Клермон (Джермантаун, штат Нью-Йорк), Президентской библиотеке Франклина Д. Рузвельта (Гайд-парк, штат Нью-Йорк) и в Государственном архиве штата Нью-Йорк (округа Олбани). Особую благодарность я хотела бы выразить Архиву Гилдера-Лермана, принадлежащему Нью-Йоркскому историческому обществу, и Библиотеке Хантингтона (Сан-Марино, штат Калифорния), где мне не только открыли доступ в архивы, но и выделили стипендию для научных исследований.

Я от всего сердца благодарю всех сотрудников Библиотеки Томаса Купера Университета Южной Каролины, которые безропотно подбирали для меня книги, несмотря на то что их количество, как мне вначале казалось, превышало мои возможности их осилить. А еще мне очень помогли различные информационные ресурсы на исторические темы, издательства, ответственный

редактор Эмили Костелло и команда вебсайта The Conversation — одним словом, все те, кто позволил опубликовать на своих интернет-сервисах парочку моих историй. Спасибо Паулю Гюнтеру и Комитету по охране особняка Арчибальда Грейси: с согласия Генерального консульства Нидерландов, они предоставили мне интернет-площадку для обсуждения и полемики некоторых аспектов моей работы с посетителями сайтов.

Вступление

Охота на человека

Ордер на поимку 4 негров — слуг господина Питера Стёйвесанта, утеранных оным 6 октября. Согласно жалобе, поданной господином Питером Стёйвесантом, он лишился 4 негров (слуг мужеского пола). Сим постановляю оказывать всяческое содействие и помощь предьявителю или предьявителям сего ордера в поимке указанных негров и в безопасном их сопровождении в город Нью-Йорк на острове Манхэттен, где предьявителей ордера ждет достойная награда за труды и возмещение понесенных расходов. Подписано собственноручно сего дня 6-го октября 1664 года. Форт Джеймс, Нью-Йорк и т. д.

Р. Николс

Всем губернаторам, вице-губернаторам, мировым судьям и прочим официальным лицам, какие бы должности они ни занимали в американских колониях Его Величества, и к сведению всех иных заинтересованных лиц.

В 1664 году четверо мужчин, объединившись, сбежали от своего господина. Отринутое ими общество пристрастилось к кабальному труду в первых десятилетиях семнадцатого века, и с тех пор корабли с невольниками регулярно швартовались в портах колониальных поселений, а в городах устраивались публичные торги. Любая встреченная на пути колония грозила беглецам новым порабощением. Любое племя коренных жителей Америки могло либо оказать гостям радушный прием, либо взять их в плен. Заметьте — мужчины бежали не с хлопковых плантаций Юга, а из провинции Нью-Йорк, недавно отвоеванной ан-

гличанами голландской колонии, прежде носившей название Новые Нидерланды. Веря, что в единстве — сила, они бежали группой, надеясь скрыться в недосыгаемой дали. Они неплохо разбирались в политической ситуации и выбрали подходящее для побега время. Нью-Йорк уже не одно десятилетие сбывал невольников всем окрестным регионам, и между некоторыми колонистами и рабами велась нелегальная и тайная торговля. Как и многие до них, беглецы, вероятнее всего, хотели воссоединиться со своими семьями, уповая на крепость родственных уз¹. Их бывший хозяин Петрюс (Питер) Стёйвесант также делал ставку на человеческую природу и, пытаясь восстановить пошатнувшееся господство, взывал к чувствам родных и близких, земляков, соседей и общества в целом².

Момент был щекотливый — совсем недавно англичане отобрали у голландцев колонию Новые Нидерланды и сместили Петрюса Стёйвесанта с поста генерал-губернатора, однако Стёйвесант нашел время для организации погони и даже заручился поддержкой англичанина Ричарда Николса, узурпировавшего его место. Таким образом, 6 октября 1664 года Петрюс Стёйвесант получил ордер на поимку четырех беглецов³. На первый взгляд странная расстановка приоритетов. Но только на первый. Стоит иметь в виду, что, несмотря на все разногласия, колонисты Петрюс и Ричард придерживались одинаковых взглядов на закабаление человека человеком. В этой книге я собираюсь доказать, что рабство в период ранней колониальной

¹ О переосмыслении влияния семейных уз на структуру рабовладения в Атлантическом мире см. [Mangan 2016; Gerzina 2008; Lemire 2009; Sparks 2004; Lindsay 2017], а также [Whiting 2016]. О том, как рабство повлияло на генеалогию чернокожего населения, см. [Hartman 2007].

² Здесь я ссылаюсь на фразу, содержащуюся в цитируемой мною рукописи на стр. 48. В конце XIX века с рукописи сняли копию, а оригинал сожгли: «A warrant for Mr. Stuyvesants 4 Negroe servants lost». 6 October 1664. Annual Report; см. также [Hodges, Brown 1994: 324]. Подробнее об уничтожении документа см. [Christoph 1981: 17–18].

³ A warrant for Mr. Stuyvesants 4 Negro servants lost. 6 October 1664. Annual Report. New York State Library 1899. 117.

экспансии голландцев и англичан стало краеугольным камнем культурного развития Северной Америки. По моему глубокому убеждению, рабство самым кардинальным образом повлияло не только на социокультурное развитие Новых Нидерландов и местечковых голландских поселений, но и на социокультурное развитие всего северо-восточного региона. Приводя в пример различные источники: дневниковые записи и рассказы переселенцев-колонистов, новейшие переводы текстов из нидерландских архивов, я попытаюсь подвести вас к мысли, что рабство — ключевой аспект становления и эволюции северо-восточной Америки.

Решающую роль в развитии рабовладения на Северо-Востоке Америки играли семейные кланы, а не расширение колониальных владений⁴. Доминирование и господство, неравенство и униженное положение в обществе более чем на два столетия сплели в плотный клубок жизни поработителей и порабощенных. Могушество семьи определялось количеством имевшихся у нее рабов. В погоне за властью семьи насаждали рабство во всех колониях, где торговали, покупали земли и осваивали новые территории, простирая границы Голландской империи от Чесапика до Новой Англии. Большинство современных историков признают, что рабство существовало и в Южной, и в Северной Америках, но лишь малая толика исследователей (за исключением тех, чьи работы посвящены вопросам работорговли среди коренного населения Америки и продажи невольников из северо-восточных колоний в южные) отмечает влияние рабовладельческих обществ, зарождавшихся к северу от Чесапика, на возник-

⁴ Дж. Лайдон настаивал, что до 1748 года работорговля вносила в экономику Нью-Йорка довольно несущественный вклад [Lydon 1978: 384]. Ему вторили Дж. Ройли и С. Берендт, утверждавшие, что «работорговля в коммерческих начинаниях ван Кортленда [первого вице-губернатора штата Нью-Йорк. — *Примеч. ред.*] составляла незначительный процент: лишь время от времени его нью-йоркские предприятия или морские суда, совершавшие каботажное плавание, приторговывали рабами» [Rawley, Behrendt 2005: 339]. Исследования, оспаривающие утверждение, что рабство не играло значительной роли в жизни Северо-Востока: [Warren 2016; Newell 2015; Sweet 2006; Wilder 2013].

новение рабовладельческих конгломератов Юга. Семейные кланы и деловые союзы налаживали связи внутри колоний и между ними, способствуя их торговому и финансовому процветанию, в то время как удерживающие власть англо-голландские колонисты, в лучших традициях господствующего класса, укреплялись в мысли (которой они будут придерживаться начиная с XVII века вплоть до подписания закона об отмене рабства⁵), что они — избранная элита, наделенная особой самобытностью, ставящей их выше остальных людей. Невольники, в пике державшей их в узде новоявленной аристократии, развивали и упрочивали собственные семейные и деловые связи, находя сторонников и единомышленников на всем протяжении Северо-Востока Америки. Многие, подобно четверым беглецам, отправлялись в дорогу, пролежавшую вдоль рек и лесов, петлявшую между трактирами, фермами и рынками по территориям, раздираемым на части враждующими империями. На этом пути, где ценились знания языков, практическая сметка и культурная общность, завязывались предпринимательские и дружеские отношения. Завязывались и крепили, невзирая на все попытки рабовладельческой системы их разорвать.

Четверо мужчин работали в поселении, находившемся на задворках великой Голландской империи и нуждавшемся в рабах, как в воздухе. У нас нет официальной статистики, но, по приблизительным данным, в 1664 году в колонии Новые Нидерланды проживало от 250 до 500 невольников — это не считая 290 закабаленных людей, прибывших на работорговом корабле «Гидеон»

⁵ Дж. Адамс убедительно доказала, что именно семейные кланы, а не государство, являлись основной движущей силой континентальной политики Голландии, и именно семейные кланы в ответе как за расцвет Голландской империи, ее «золотой век», так и за ее закат. Согласно Адамс, поддерживая семейный престиж, правящая голландская элита препятствовала продуктивной работе Голландской Вест-Индской компании, тем самым ускоряя падение голландского государства [Adams 2007]. Многие ученые разделяют взгляды Адамс, успешно описывая в своих работах жизнь ранних колонистов — порабощенных и порабощенных [Palmer 2016; Livesay 2018; Di Bonaventura 2013; Gordon-Reed 2008; Kerrison 2018].

незадолго до перехода колонии в руки англичан, и 70 или 75 свободных чернокожих семейств [Jacobs 2005: 381]⁶. На севере колония граничила с землями могокан, на северо-востоке — с землями Лиги ходеносауни (ирокезов) или Лиги пяти наций⁷, на юге — с землями народов, говоривших на языке манси: с племенем эзопусов, населявшим плодородную долину реки Маххикантак (впоследствии переименованной в реку Гудзон в честь английского мореплавателя Генри Гудзона), и с племенем ленапе. Если наша четверка шла проторенными путями беглецов-предшественников, она наверняка двигалась через колонию Новая Англия к территориям, занятым французскими поселенцами, возлагая надежды на свои познания в европейских языках, языке банту и диалектах североамериканских индейцев. Общество порабощенных состояло из выходцев с Карибских островов, из Бразилии, из колонизированной испанцами Южной Америки и африканских регионов, омываемых Атлантическим океаном. Четверо мужчин казались каплей в море среди 700 000 африканских мужчин, женщин и детей, порабощенных американцами в XVII веке⁸.

Рабовладельческий дух захватил голландцев задолго до возникновения на Северо-Востоке Америки Новых Нидерландов. Достаточно вспомнить Адриана Блока и Хендрика Кристиансена, которые, пленив и поработив двух юных индейцев, привезли их на показ в Голландскую республику [Lipman 2015: 96–97]. В 1624 году европейцы начали заселять Манхэттен, а спустя три года, согласно официальным записям, к берегам острова причалил первый работорговый корабль «Брёйнвис» с африканскими

⁶ Меньшее количество указывает П. Бономи [Bonomi 2016: 40–41]. См. также [Goodfriend 1992: 61]. Более современные и обновленные данные о популяции колонистов см. в [Douma 2022].

⁷ Лига ходеносауни (ирокезов) или Лига пяти наций: мохоки, онейда, онодага, каюга, сенека. С 1715 года — Лига шести наций, к ней примкнули тускароора. — *Примеч. ред.*

⁸ TAVoyages. Общее количество всех невольников, прибывших на работорговых судах в период с 1601 по 1664 год, рассчитанное как показатель общей численности населения.

невольниками⁹. Колония росла, и рабовладельческий аппетит колонистов рос соответственно. Рабы, принадлежавшие Вест-Индской компании (ВИК), возделывали сельскохозяйственные угодья, строили дома, обслуживали господ и охраняли границы колоний. Частная собственность только усугубляла их зависимое положение. Расширяя владения, поработители привозили на новые места и рабов, тем самым укореняя идеи правомерности господства одних людей над другими. Захватив в 1655 году колонию Новая Швеция, голландцы распространили эти новомодные идеи на поселенцев, облюбовавших берега реки Делавэр [Soderlund 2015: 112]. Колонисты Новой Англии, торговавшие с Новыми Нидерландами, эти идеи поддерживали. Впоследствии их поддержали и англичане, захватившие в 1664 году Новые Нидерланды и окрестившие их Нью-Йорком. Вскоре зажиточные семьи начали проявлять интерес к плантациям Карибов и курсирующим между Карибскими островами судам и фрегатам, перевозящим грузы. Так в конце XVII — начале XVIII века во всех колониях сложились нормы общего права, регулирующие перемещение и социальную жизнь невольников, и условия их купли-продажи. Узаконенная кабала длилась более двух столетий. Только в 1827 году, через полвека после того, как 13 колоний подписали Декларацию независимости, в Нью-Йорке отменили рабство,

⁹ Корабль «Брёйнвис» отплыл с голландского острова Тексел (Тессел) в Карибское море 13 января. По пути он встретился с другими голландскими судами, приписанными к портам голландской провинции Зеландия. Голландские суда захватили плывший с африканского острова Сан-Томе португальский корабль с 225 невольниками. Поскольку в корпусе захваченного корабля имелась течь и команда не справлялась с возросшей нагрузкой, 22 невольника были переведены на борт одного из голландских судов, после чего суда отправились своей дорогой. Суды из Зеландии встретились с «Брёйнвисом» возле острова Эспаньола (Гаити) в июне 1627 года. Весьма вероятно, хотя и не указано де Лаэтом, что несколько невольников могли быть переведены с португальского корабля также и на борт «Брёйнвиса». Миновав побережье Флориды, «Брёйнвис» достиг гавани Новых Нидерландов и бросил там якорь 20 августа. Он покинул Северную реку (Noordt Rivier, голл. — одно из названий реки Гудзон. — *Примеч. пер.*) в конце сентября и вернулся на Тексел 25 октября. Приведенные выше сведения почерпнуты Я. Джейкобсом из трудов Й. де Лаэта и переданы мне электронным письмом 21 мая 2021 года [De Laet 1937: 114–119].

оставившее в наследие потомкам разветвленную, покрывавшую всю Северную Америку сеть родственных и приятельских связей.

Историки прошлого четко разграничивали рабовладельческий строй Севера и Юга, полагая, что рабам северных регионов жилось намного легче, чем рабам регионов южных. Затем в стане ученых произошел раскол. Историки собрали новые данные, проливавшие свет на особую и важную роль Севера в становлении и приумножении рабства, и подвергли прежние утверждения резкой критике. Споры, начавшиеся в конце XIX столетия, не утихают до сих пор. Фундаментальному переосмыслению и толкованию рабства северных регионов мы в первую очередь обязаны: А. Дж. Уильямсу-Майерсу, А. Берлину, Г. Ходжесу, Т. Уилс-Фут, К. Уайлдеру, Л. Харрис, Дж. Лепор и другим. За последние десятилетия количество исследований, посвященных невольникам и рабству в Северной Америке, увеличилось кратно. Из легиона ученых, обративших пытливый взор на проблемы рабовладения, выделим лишь нескольких: Й. Девульфа, В. Уоррен, К. Клар-Пуджару, М. Грота, Дж. Хардести и А. ди Бонавентуру. Стоит отметить, что многие современные историки опираются в своих работах на полемические книги С. Хартман. Не вылезая из архивов Саидия боготворит и одновременно проклинает исторические документы, с грустью признавая, что «подглядывание в замочную скважину» не позволяет правдиво изобразить жизнь и страдания обращенных в рабство людей. В то же время М. Фуэнтес, дотошно разбирая архивные материалы, создает мощнейшее эпическое полотно о женщинах-рабынях колониального Бриджтауна, города на острове Барбадос, а А. Мостерман, при помощи пространственного анализа, открывает ранее неизвестные страницы истории голландско-американского рабовладельческого общества¹⁰.

¹⁰ Ни один северо-восточный рабовладельческий регион не удостоился столь пристального внимания, как Нью-Йорк [White 1991; Wilder 2000; Wilder 2001; Harris 2003; Kruger 1985; Lepore 2006; Gellman 2006; Washington 2009; Foote 2004; Dewulf 2014; Dewulf 2017; Williams O. 2010]. О нью-йоркских торговых кланах, занимавшихся работоторговлей, см. [Wilder 2013; Moore 2019; Polgar 2019; Mosterman 2021]. О рабстве в долине Гудзона см. [Williams-Myers 1994; Groth 2017].

К сожалению, невзирая на труды вышеперечисленных исследователей, в научных кругах до сих пор превалирует мнение, что Новые Нидерланды стоят особняком в ряду прочих колоний: и рабство там не носило массового характера, и к рабам относились намного мягче — позволяли свидетельствовать в суде, принимать крещение и даже выкупать свою свободу. Подобные представления основаны на аксиоме, утверждающей, что голландский период правления был неким исключением из правил и что только после завоевания Новых Нидерландов англичанами колонию приняли в «Атлантический пояс рабства»¹¹. Эти представления противоречат данным, обнаруженным мною в архивах. Согласно поднятым мною документам, вся верхушка Новых Нидерландов из поколения в поколение демонстрировала стойкую приверженность идеалам рабства. И не просто демонстрировала, формируя в головах элит расистские предубеждения, но и, посредством родственных связей, несла этот идеал дальше, за пределы голландской колонии по всему Атлантическому миру. Именно работорговля, начатая голландцами в поворотный момент истории, вывела их из тени и превратила в важных игроков на рабовладельческой арене.

Рабовладельцы Северо-Востока Америки, одинаково воспринимавшие окружающий мир и связанные друг с другом коммерческими отношениями, быстро находили общий язык, даже если принадлежали к различным этническим группам [Кластер 2024; Klooster, Oostindie 2018]¹². Так, потомки английских и шотланд-

¹¹ Подобный подход характерен для большинства ранних научных работ, посвященных рабству в Новых Нидерландах и особо подчеркивающих различия законодательных уложений, касавшихся вопросов порабощения, — уложений, принятых во времена голландского и английского правлений [McManus 1966: 1–22; Christoph 1991: 157], см. также [Wagman 1980: 40]. Вера в исключительную природу рабства в Новых Нидерландах оспаривается в [Goodfriend 1978; Jacobs 2003a: 173–174; Romney 2014: 191–193], см. также сноску 80 в [Jacobs 2003a: 173]. Данную точку зрения я опровергаю при помощи пространственного анализа во вступлении к статье А. Мостерман [Mosterman 2021].

¹² См. также [Gould 2007: 764–786].

ских мигрантов, нашедшие некогда пристанище в Голландской республике, довольно часто отправлялись искать счастье за моря¹³. Отринувшие веру предков, великолепно знающие язык и культуру новой отчизны, они, наравне с чистокровными голландцами, вели торговые дела с Европой и содействовали процветанию Голландской республики. Точно так же «золотой век» Голландской империи был отмечен крепкими связями между английской и голландской элитами¹⁴, а обосновавшиеся в Новых Нидерландах голландские аристократы десятилетиями упрочивали отношения с поселенцами на островах Карибского моря¹⁵. Голландцы делали все возможное, чтобы наладить связи внутри колоний и между ними, вплоть до Чесапика. Согласно исследованиям, основу этим связям заложили семейства Стёйвесантов и Бейардов, ознаменовавшие собой первое поколение голландского колониального высшего света. Прибыв в Новые Нидерланды, оба семейства принялись активно внедрять идеологию рабовладения во всех близлежащих колониях, включая колонии на Карибских островах и в южных регионах. Вскоре к Стёйвесантам-Бейардам примкнули породнившиеся семейства Ливингстонов и ван Хорнов. Элитная когорта набирала силу, творя законодательную, социальную и религиозную историю северо-восточных колоний и попутно раскидывая рабовладельческую сеть, которая к XVIII веку покрывала Новую Англию, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильванию и Делавэр. Впрочем, вышеназванные семьи не были единственными рабовладельческими семьями в колониях.

¹³ Подробнее о взаимопроникновении английских и шотландских миров в голландских колониях и на голландских территориях см. [Sprunger 1983; Murdoch 2010; Devine 2015].

¹⁴ Об англо-голландском европейском сотрудничестве и его влиянии см. [Jardine 2008; Пинкус 2017].

¹⁵ О разнообразии межколониальных связей голландцев см. работы К. Кута, Л. Руперт, М. Мьювеза и С. Ромни. О важности англо-голландской торговли см. [Koot 2011]. О межкультурной коммуникации между голландцами и коренными народами см. [Meuwese 2011]. О создании блистательной торговой культуры в Атлантическом регионе см. [Rupert 2012]. Об обширном торговом мире колоний раннего Нового времени, скрепленном тесными узами семейственности и родства, см. [Romney 2014].

Да и рабов у них было не так уж много. Однако именно эти семьи составляли центр культурной и общественной жизни Северо-Востока¹⁶. И если внимательно присмотреться к их рабовладельческой деятельности, длившейся около двух столетий, можно понять, каким образом рабство стало неотъемлемой частью североамериканской культуры.

Посредством разветвленных и хорошо налаженных каналов коммуникации рабовладельческая элита контролировала любое действие подчиненных им невольников, принуждая их к повиновению и следованию кодексу поведения, разработанному и юридически узаконенному той же элитой. Правовая система, надзорные органы, средства массовой информации, нацеленные исключительно на то, чтобы внушить рабам мысль о беспрекословном подчинении хозяину, — опирались на родственные и торговые связи. Мы не знаем, чем закончился побег нашей четверки, однако нам очень хорошо известно, чем подобные истории обычно заканчивались через пару десятков лет, когда богатые подписчики, прибрав к рукам редакторские отделы, размещали в колониальных газетах Северо-Востока объявления о беглецах, привлекая к их поимке обширную сеть своих контактов и связей. Листая эти газеты, историки получают яркое представление не только о судьбах несчастных беглецов и всеохватной сети рабовладения, но и о характере самих рабовладельцев, без зазрения совести указывавших в объявлениях, где беглецов «в последний раз видели» или ловили.

¹⁶ Глубокий научный труд Б. Бейлина, посвященный торговым отношениям, расцветшим пышным цветом в колонии Новая Англия в XVII–XVIII столетиях, определил направление для множества исследователей, сосредоточивших внимание на семейных торговых кланах, игравших, по их мнению, основополагающую роль в экономическом подъеме и заселении Северо-Востока Америки. Торговые семейные кланы Нью-Йорка долгое время занимали умы американских ученых. Истории и судьбы этих семейств тесно переплетались с экономической, социальной, политической и культурной историей региона. Лишь недавно подобные воззрения подверглись критике, см. [Bailyn 1955; Bailyn 1988; Bailyn 2013]. Подробнее о торговой культуре Новой Англии см. [Hamilton 2009]. Подробнее о торговой культуре Нью-Йорка см. [Kammen 1996; Kierner 1992; Matson 1998; Truxes 2008].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru